

Глава 1

Лондон

Ноябрь 1875 года

Бутылка шотландского виски должна была помочь мужчине забыть о своих горестях, но он лишь утратил способность нормально передвигаться. Тяжело вздыхая, Хейден Милтон, граф Уэстфилд, осторожно переставлял ноги по булыжникам туманной и темной Брук-стрит. Обратив взор к непроглядной темени неба, он в который раз задал как всегда оставшийся без ответа вопрос: «Простишь ли ты меня, Лаура?» Но было слишком поздно просить прощения у своей жены. Он опоздал на целых пять лет. Мертвые не могут отпустить вам ваши грехи. Отогнав мрачно-сентиментальные мысли, он не без труда поднялся по ступеням к двери своего городского дома. Потянувшись к бронзовой ручке, наткнулся взглядом на глиняный горшок, в котором сиротливо торчал поникший остролист. Откуда, черт возьми, он здесь взялся? Граф сделал шаг назад и окинул взглядом подернутое дымкой сооружение. Один, два, три, четыре... Это был не его дом — разве что за время его отсутствия кто-то снес пятый этаж. Возможно ли это? Предельная глупость такого предположения заставила его осознать, что он, по всей видимости, пьянее, чем ему ка-

залось. Пытаясь сосредоточиться, Хейден всмотрелся в стоявшее по соседству здание. Один, два, три, четыре, пять — и никакого остролиста на крыльце. Пошатываясь, граф отступил еще на несколько шагов. Черт побери, это же дом леди Бедфорд. Если бы он вошел в ее спальню, мадам наверняка набросилась бы на гостя с алебардой. Представив себе стычку с женщиной почтенного возраста, чье лицо украшали огромные бородавки, он содрогнулся. Граф развернулся и, в очередной раз едва удержав равновесие, направился к своему дому. Слава богу, Селия спит. Ему бы не хотелось, чтобы малышка видела, как он крестится, словно корабль во время шторма. Ухватившись за кованую ограду, он остановился, чтобы перевести дух, но тут тишину предрассветного часа неожиданно нарушил громкий перестук каблуков. Хейден обернулся и увидел, как из тумана вынырнула фигурка миниатюрной женщины. Сделав еще несколько торопливых шагов, женщина не поднимая головы остановилась перед графом, ее лицо скрывал капюшон черного плаща. Выпростав из-под накидки бледную руку, она подняла голову и откинула капюшон, пронзив графа пристальным взглядом раскосых зеленых глаз. Адель. Когда-то именно ее кошачьи глаза заинтриговали его, но их любовная связь, нечто между бессмысленным безрассудством и полным безумием, быстро сошла на нет. Даже для него все это было слишком безумно и шатко. Быстрым движением распахнув плащ, женщина вскинула блеснувший в тусклом свете уличного фонаря дуэльный пистолет. Что ж, настал час расплаты?

— Адель, дорогая, неужели дошло до этого?

4

Ты собираешься меня убить?

На ее губах заиграла хищная улыбка.

— Нет, Хейден, этого делать я не собираюсь.

Хотя она говорила медленно, чувствовалось, что речь женщине дается с большим трудом. Очевидно, что этой ночью не только Уэстфилд сумел затуманить свой разум, только Адель сделала это с помощью опиумной настойки, к которой пристрастилась довольно давно. Ухмыльнувшись, она опустила пистолет ниже, и если секунду назад оружие было нацелено в грудь мужчины, то теперь черный зрачок ствола смотрел в его пах. Злобно хихикнув, она медленно, но вполне внятно произнесла:

— Нет, милый, я просто хочу тебя покалечить.

Только женщине может прийти в голову оскопить бывшего любовника; мужчина просто бы его пристрелил. Адель приподняла брови. Она ждала реакции? Может, она думала, что он упадет на колени и станет молить о пощаде? Нет уж, этого точно не будет. По крайней мере, не в годовщину смерти жены. Может, это и к лучшему: неожиданно собственная смерть оказалась графу самым подходящим выходом.

— Ну и что ты мне скажешь теперь, мерзавец? — прошипела она.

«Давай же, сделай это», — пронеслось у него в голове и почти сорвалось с языка. Черт побери, он что, так же безумен, как Адель, или это проклятый алкоголь напрочь развел его мозг? Он посмотрел на окно спальни Селии. Ради ребенка он должен сохранить ясность мысли. Стоя над могилой жены, он пообещал сделать для малышки все, что в его силах; нет, граф Уэстфилд не подведет Лауру, не сделает этого снова. Хейден бросил взгляд на почти антикварный пистолет: оружие богато украшено, по всей ве-

роятности, весит не менее пяти фунтов. Рука Адели уже ходила ходуном, силясь удержать ствол в верном направлении. Если бы она, устав, опустила пистолет еще ниже, у него бы появился шанс не только выжить, но и избежать увечья.

— Милая, может, ты отдашь мне этот пистоль, и мы зайдем в дом, сядем и спокойно обсудим все, что тебя так расстраивает?

Он осторожно шагнул к женщине, но она тут же отступила. В широко раскрытых глазах читалось настоящее безумие. Она повела стволом.

— Не двигайся, Хейден, или, клянусь, я выстрелю.

Он поднял руки в защитном жесте, и тут за ее спиной раздался уверенный топот чьих-то ног. Граф всмотрелся в тающие облака тумана: к ним приближался невысокий и необычно сложенный человек. При поразительно широких плечах торс казался слишком узким и даже хрупким. Наконец странный человечек вошел в круг света уличного фонаря. Проклятье! Это был юный Джимми Макгивни, разносчик газет, внушительный сверток которых он нес на своих широких плечах. В любой момент Адель может услышать шаги Джимми — нельзя было допустить, чтобы эта безумная, испугавшись, обернулась и выстрелила. Хейден прыгнул вперед, чтобы выхватить у нее пистолет. Кремень сухо ударил по стали запальника, и пламя вспыхнувшего пороха рассеяло темноту. Грохот выстрела отдался вибрацией во всем его теле, а запах сгоревшего пороха ударил в нос. Граф упал, рухнув на мостовую так, будто его ноги отнялись. Хриплый вздох вырвался из его груди, мокрые камни мостовой обожгли ледяным холодом

6 лицо, а по бедру разлился нестерпимый жар,

проникавший, казалось, даже в спинной мозг. Через несколько секунд жар начал стихать, уходя из его тела вместе с кровью, темной лужицей растекавшейся на мостовой. Осталась только острая вяжущая боль. Он закрыл глаза, и тут же перед его мысленным взором возникло прелестное лицо Лауры. «Прости меня, моя любовь». Затихающий стук каблучков Адели ненадолго вернул Хейдена в действительность. Он заставил себя поднять отяжелевшие веки. Яркий, почти ослепляющий свет больно резанул по глазам, но уже через мгновение его окутал полный мрак, и странное тепло разлилось по телу, увлекая в состояние благодного, бездумного забвения.

Глава 2

София Камден распахнула дверь и торопливо вошла в роскошную спальню графа Уэстфилда. В затененной комнате не было запахов, присущих покоям тяжелобольного, не пахло ни застарелым потом, ни мазями, ни выделениями. В помещении разливались запахи ароматного мыла, свежих простыней и пчелиного воска, пахло богатством и неуязвимостью перед разорением, которое при болезни грозит не столь состоятельному человеку. Подняв небольшую лампу с новомодной парафиновой свечой, девушка подошла к массивной кровати с пологом на четырех резных стойках. На постели в беспокойном сне ворочался, словно борясь с дьяволом, граф, при этом ругательства, порой срывавшиеся с его уст, могли бы прожечь уши самого Люцифера. Лихорадка? Сердце Софии замерло от беспокойства. Надо было проверить состояние джентльмена еще вчера вечером,

несмотря на приказ не беспокоить его до утра. Поставив лампу и саквояж черной кожи с медицинскими препаратами на комод, девушка бросилась к постели. В плотном сумраке спальни, подсвеченном лишь тоненькой свечкой, она смогла разглядеть, что глаза больного закрыты.

— Ш-ш-ш... успокойтесь, лорд Уэстфилд.

Словно повинувшись магическому заклинанию, граф затих, а сведенные судорогой мышцы расслабились. София приложила ладонь к его лбу: влажный, но жара нет. Она с облегчением вздохнула. Слава богу, это всего лишь ночной кошмар. Впрочем, если в тебя стреляли, в такой реакции нет ничего удивительного. Газеты сообщили, что с места происшествия бежала женщина в плаще, но сам Уэстфилд утверждал, что не знаком с преступницей. София склонилась над раненым и поправила сбившееся одеяло. Потянуло мужским запахом, который напомнил ей запах ароматических шариков, точнее, апельсинов, начиненных зубчиками чеснока, которые она раскладывала в студии своего дедушки, чтобы хоть ненамного приглушить резкий запах скипидара и краски. Пряный и такой знакомый запах... успокаивал? То небольшое, что она узнала об их светлости за время своего пребывания здесь, никак не могло успокоить девушку, хотя экономка почти ничего не рассказала. Миссис Бичем проводила Софию наверх, до двери спальни хозяина, пообещав тут же прислать горничную со свежим бельем. Появившаяся буквально через пару минут молоденькая Алиса оказалась не прочь посплетничать и щебетала, как юная птичка, неожиданно осознавшая, что господь наградил ее даром мелодичного пения. Девушка рассказала Софии, что та станет треть-

ей сиделкой Уэстфилда менее чем за три дня, об этом факте предыдущая сиделка, передавая свои полномочия и разъясняя обязанности, не обмолвилась ни словом. Чуть поджав губы, София снова подошла к постели, чтобы разгладить роскошное голубое покрывало из индийского шелка. В ту же секунду Уэстфилд резко вскинул свою мощную длань и схватил ее за запястье. У девушки перехватило дыхание, и глаза широко раскрылись от удивления. Граф ослабил хватку, и его пальцы с неожиданной нежностью скользнули по тонкой коже. От этого интимного, почти любовного прикосновения по коже Софии побежали мурашки, а в животе разлилась сладкая истома.

— Кто вы? — спросил граф.

Низкий хрипловатый голос лишь усилил обрушившиеся на нее странные и несколько тревожные ощущения, но София постаралась не обращать на них внимания.

— Сейчас только пять утра, лорд Уэстфилд. Постарайтесь заснуть.

Он отпустил ее руку и приподнялся на локтях, теперь свет лампы освещал его лицо, можно было разглядеть густую щетину, которая оттеняла тяжелую квадратную челюсть, придававшую раненому опасный, почти пиратский вид.

— Я задал вам вопрос, мадам.

— Мисс София Камден, милорд. Я буду ухаживать за вами, пока вы не выздоровеете... Считайте меня вашей сестрой милосердия.

— Сестрой? А что случилось с тем тупоголовым ублюдком, что был здесь вчера?

— С санитаром? — Девушка постаралась уклониться от ответа, не желая повторять то,

что поведала ей Алиса. Бедный парень как ошпаренный бежал отсюда, бормоча самые замысловатые ругательства.

— Ну же, мисс Камден, наверняка вы что-то слышали.

— О да, и немало. Достаточно, чтобы понять, что вы довольно опасный человек.

— Мисс Камден?

Тон его голоса смягчился, став более убедительным. У Софии возникло ощущение, что в зависимости от настроения тембр голоса графа может меняться, как направление ветра или осенняя погода, и что он, если захочет, может вытянуть правду даже из самого упрямого человека. Девушка вздохнула. Что ж, лучше покончить с этими откровениями.

— Говорят, он сбежал после того, как вы пригрозили искупать его в ночном горшке.

— Он этого заслуживал. — В его тоне не было ни сожаления, ни колебаний.

— Уверена, что заслуживал, милорд.

Граф Уэстфилд был достаточно умным человеком, чтобы уловить нотки недоверия и осуждения в том, как она произнесла эти слова. Хейден вздохнул:

— Я вовсе не обязан объяснять вам свои действия, мисс Камден.

— Конечно, сэр.

— А посему я больше не нуждаюсь в ваших услугах.

Взмахом руки он указал на дверь.

— Сэр, я у вас уже третья сиделка. Первая ухаживала за вами меньше дня, потом был нанят мужчина, но и он сбежал через сутки, даже не потребовав оплаты. Тогда было решено, что сиделка-женщина

10 будет вас меньше раздражать.

— И какой же болван это решил?

— Ваша сестра, леди Прескотт.

— Эдит. Черт бы ее побрал. Мне следовало догадаться.

— Вам лучше поспать. У меня есть успокоительное, которое вам поможет.

— Я не нуждаюсь в ваших успокоительных, — проворчал он.

— Вы так мечетесь во сне, что у вас могут разойтись швы.

София раскрыла саквояж и достала бутылочку с янтарной настойкой и небольшое, но хитрое приспособление, так называемую ложку Гибсона, у которой имелась «умная» крышечка, предотвращающая пролитие в том случае, если пациент пребывает не в настроении и отказывается принимать лекарство. По-видимому, сейчас она могла пригодиться. София налила микстуру в ложку, вернулась к постели и поднесла ложку к его рту. Уэстфилд резко отстранился.

— Что это, черт побери?

— Лекарство, о котором я говорила. Уверяю вас, это то, что прописал доктор Тримбл. Откройте, пожалуйста, рот.

Откинувшись на спинку кровати, Хейден упрямо скрестил руки на груди. Недолго думая, она зажала ему нос; граф, желая высказать все, что думает о нахальной сиделке, раскрыл рот, но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, София одним ловким движением влила лекарство ему в рот. Хейден закашлялся и, совершенно по-простецки вытерев рот тыльной стороной ладони, уставился на нее. Леди Прескотт велела быть с ним строже; возможно, она несколько перестаралась, но дело сделано, на-

зад не вернешь. София развернулась, подхватила лампу и направилась к двери, и вдруг, словно сам дьявол подтолкнул ее, она обернулась и на прощание отсалютовала графу своей хитроумной ложкой.

— Спокойной ночи, милорд, желаю приятных сновидений.

— Вот маленькая наглая... чертовка, — прорычал он, и его шок сменился яростью. Она закрыла за собой дверь. — Вы уволены, мисс Камден! — Его басовитый рык не смогла приглушить даже закрытая дубовая дверь. — Вы слышите меня, мисс? Вы уволены. Уволены к чертям собачьим!

Хейден откинул с лица шелковую простыню и, сощурившись, взглянул на окно, сквозь которое струился поток яркого утреннего света. Кто посмел так рано раздвинуть занавески? Селия? Нет, девочка сейчас у сестры, которая решила, что так раненому будет спокойней. Мэтьюз? Одернув ночную рубашку, он открыл было рот, чтобы кликнуть лакея, и тотчас хлопнул его. Перед камином спиной к нему стояла стройная женщина в темно-синем платье и белом переднике. На голове у нее было нечто похожее на накрахмаленную салфетку с крылышками. Он нахмурился. С чего вдруг миссис Бичем стала наряжать горничных в такие странные шляпки? Куда подевались старые штуковины, которые они носили раньше... чепицы? чепцы? Как бы они ни назывались, они были страшны как смертный грех, но это накрахмаленное уродство ничуть не лучше. В затуманенной памяти всплыло воспоминание о дерзкой сиделке. Граф

негромко чертыхнулся — впрочем, наверняка

12 это был сон. И тут его взгляд упал на комод, на

котором стоял докторский саквояж и бутылочка с янтарной жидкостью. Дьявол, это был не сон!

Хейден кашлянул, и женщина обернулась. Первым, что бросилось ему в глаза, было фарфоровое судно у нее в руках. Затем он обратил внимание на ее глаза, обрамленные длинными ресницами, которые были загнуты так, что удлиняли миндалевидные глаза, такие темные, что даже на столь небольшом расстоянии он не мог отличить зрачок от радужной оболочки. Граф пристально и даже несколько бесцеремонно разглядывал девушку. Нежный овал лица, прямой нос, пухлые губы и довольно смуглая кожа. Черные как безлунная ночь волосы были стянуты в тугий пучок, элегантно размещившийся на затылке. Она походила на уроженку Средиземноморья, такая хорошенькая и даже экзотичная.

Граф мысленно ухмыльнулся и попытался приподняться, но острая боль пронзила ногу, напомнив ему о последней связи с женщиной, у которой тоже были необычные глаза и привлекательное лицо. Хейден провел рукой по забинтованному бедру и мысленно, в который уже раз, выругался в адрес этой психованной Адели. Он бросил на девушку злой, пугающий взгляд, но в ответ она лишь улыбнулась. Несколько озадаченный, Хейден снова всмотрелся в ее лицо: может, это другая девушка, не та, на которую он накричал ночью? Видно было, что она вовсе не напугана, хотя он, казалось, сделал все, чтобы испугать сиделку.

— Доброе утро, лорд Уэстфилд. Надеюсь, вы хорошо спали.

— Черт побери! Все-таки та самая чертовка!

Он узнал ее мягкий тихий голос и слабый соблазнительный запах лаванды и лимона, исходящий от ее кожи.

— Разве я вас не уволил?

Поставив судно у изножья кровати, она вопросительно приподняла брови.

— Уволили?

— Вы прекрасно знаете, что именно это я и сделал.

— Вы готовы позавтракать, милорд?

Неужели эта женщина не понимает, что он граф Уэстфилд? Человек, к которому некоторые относились с почтением, иные презирали, а многие просто боялись. Человек, с которым лучше вести себя осмотрительно. Он нахмурил брови и плотно сжал губы — увидев такое выражение на его лице, слуги обычно старались скрыться и разбежались, подобно мраморным шарам на палубе накренившегося корабля.

— Вот только, сэр, перед завтраком необходимо сделать перевязку.

— Вы плохо меня слышите? — спросил он, повышая голос.

— Нет, милорд.

— Тогда вы просто издеваетесь надо мной! Может, кто-то решил сыграть с вашей помощью злую шутку?

Хейден бросил взгляд на открытую дверь. Конечно, за раскрытой створкой прячется этот пройдоха лорд Саймон Адлер и, слушая их диалог, хихикает, прикрывая рот своей пухлой лапой. Она проследила за его взглядом.

— Если это и так, то мне об этом ничего не известно.

Хейден нервно провел рукой по волосам и откинулся на подушки. Он и не помнил, когда последний раз молился, но сейчас готов был попросить божест-

венного вмешательства, а еще лучше — уда-

ра молнии.

— Внимательно послушайте, что я вам скажу, мадам. Вы уволены!

— Вы не можете меня уволить.

Он осмотрел ее одеяние. Хотя эта шляпка была странноватой, весь остальной наряд никоим образом не свидетельствовал о ее нездоровом уме. Платье не было надето задом наперед, пуговицы были правильно застегнуты, и она не носила на голове панталоны. Тем не менее она безусловно страдала каким-то умственным расстройством, если считала, что он не вправе ее выгнать.

— Это мой дом, мадам. Уверяю, я могу вас уволить, так что оставьте меня и прощайте.

— Милорд, меня наняла ваша сестра, и, полагаю, только леди Прескотт может меня уволить.

Она начала сворачивать одеяло.

— Какого черта вы собираетесь делать, мисс?.. — Проклятье, эта женщина так разозлила его, что ее имя выскочило у него из памяти. Легкая улыбка появилась на лице девушки.

— Мисс София Камден.

— Мисс Камден, прислав вас, моя сестра, очевидно, решила скорее отправить меня в могилу. К тому же она не имеет права распоряжаться в моем доме и не может навязывать мне ваши услуги. Более того, если вы еще раз дотронетесь до моего одеяла, я уложу вас поперек кровати и крепко отшлепаю.

Краска залила ее щеки цвета меда.

— В-вы не посмеете.

— Вы серьезно рискуете, провоцируя меня, ведь я довольно легко поддаюсь на такого рода провокации.

Девушка отступила на шаг и, словно строгая нянька, погрозила ему пальцем.